

Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам Законодательной комиссии 1767 года ¹⁾.

Среди городских избирателей 1767 г. довольно значительную группу составляли приказные служители и канцеляристы, принимавшие участие в выборах в качестве домовладельцев. Обычно их пожелания включались в один общий городской наказ, но иногда они признавали более целесообразным излагать свои нужды и недостатки отдельно от прочих разрядов городского населения. Так поступили, напр., канцелярские служители г. Воронежа, которые вручили городскому голове особое „изъяснение“ для передачи его вместе с общим городским наказом воронежскому депутату. В своем „изъяснении“ эти приказные служители затрогивают и школьную проблему, что дает нам возможность выяснить, как смотрели на образование те элементы городского населения, которые не входили в состав посадской общины.

О поднятии культурного уровня подьяческих и приказных детей, а также малолетних из разночинцев, правительство прилагало довольно много забот и при Петре Великом, когда учреждало цифирные школы по городам, и в начале царствования Екатерины II, когда издан был указ 1763 г. о школах для детей приказного чина при Московском университете, Петербургской академии наук и Казанской гимназии. В указе 1763 г. намечена была даже примерная программа: учеников из разночинцев следовало „обучать не только правописанию и хорошему слогу, но отчасти арифме-

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1915 г.

тикѣ, геометріи и географіи, а наиболѣе положенію Россійскаго государства ¹⁾).

Однако, по другимъ городамъ, кромѣ столицъ и Казани, заводить такія школы для дѣтей приказнаго чина предписано не было. Поэтому „какъ канцелярскіе служителя, такъ и прочіе граждане малолѣтнихъ своихъ дѣтей для обученія только словесному и писать принуждены“, по словамъ „изъясненія“ воронежскихъ приказныхъ служителей—„отдавать въ партикулярныя руки, яко то разныхъ чиновъ людямъ такимъ, кои почти и въ томъ самомъ совершеннаго знанія и искусства не имѣютъ, черезъ что тѣ малолѣтніе не только соответствующихъ государственной и общенародной пользѣ наукъ лишаются, но и до обученія словесному и письму желаемаго успѣха не получаютъ и остаются на все время ихъ жизни въ жалостномъ и крайнемъ своимъ невѣжествѣ, а отъ того, какъ къ военной, такъ и статской службѣ дѣлаются малоспособными“ ²⁾. Такимъ образомъ, канцелярскіе служители испытывали непреодолимые затрудненія, желая дать своимъ дѣтямъ хотя бы самое элементарное образованіе.

Цѣня въ школьной выучкѣ, главнымъ образомъ, прикладную, профессиональную сторону, воронежскіе канцеляристы „во отвращеніе вышеизъясненныхъ неполезностей“ проектировали— „въ тѣхъ губернскихъ городахъ, гдѣ школъ не учреждено, для обученія канцелярскихъ служителей и прочихъ согражданъ малолѣтнихъ дѣтей подъ единственнымъ и собственнымъ господѣ тѣхъ губерній губернаторовъ попечительнымъ смотрѣніемъ утвердить школы съ потребнымъ числомъ учителей“ ³⁾. Помѣщаться эти школы должны были въ архіерейскихъ домахъ, монастыряхъ „или же, гдѣ по разсмотрѣнію тогда господѣ губернаторовъ за наибольшее признано будетъ“ ⁴⁾, а содержать ихъ слѣдуетъ „изъ собираемыхъ на жалованье статскимъ чинамъ новыхъ доходовъ“ ⁵⁾. Всѣ заботы правительства воронежскіе канцеляристы ограничивали только пріисканіемъ опредѣленнаго помѣщенія и уплатой жалованья учителямъ. Снабженіе же учащихся учебными пособіями вмѣнялось въ обязанность ихъ родителямъ или родственникамъ: „что-жь касается до принадлежащихъ къ тому обученію книгъ и прочаго,

¹⁾ Ibid., т. 144, стр. 206.

²⁾ Ibid., т. 144, стр. 207, 208.

³⁾ Ibid., т. 144, стр. 207, 208.

⁴⁾ Ibid., т. 144, стр. 207, 208.

⁵⁾ Ibid., т. 144, стр. 207, 208.

оное все доставлять тѣмъ малолѣтнимъ можетъ отецъ или свойственники его, на чьемъ воспитаніи тотъ малолѣтній находится“¹⁾. Никакого комплекта для этихъ школъ устанавливать не слѣдовало: „принимать въ нихъ малолѣтнихъ столько, сколько кто оныхъ добровольно отдать пожелаетъ“²⁾. Что касается возраста учащихся, то составители воронежскаго наказа опредѣляли его такимъ образомъ: принимать въ школы дѣтей не выше 10 лѣтъ, „а быть имъ въ томъ обученіи до 16 лѣтъ, а по прошествіи 15 лѣтъ выпускать ихъ въ воинскую и статскую службу, куда кто самъ добровольно опредѣлится пожелаетъ“³⁾. Мы не знаемъ, какую программу составители „изъясненія“ предполагали ввести въ проектируемыхъ ими учебныхъ заведеніяхъ, но, по всему вѣроятію, она должна была совпадать съ той, которая устанавливалась указомъ 1763 г. для малолѣтнихъ изъ разночинцевъ и дѣтей приказнаго чина. Лица, окончившія такія учебныя заведенія, получаютъ за подписью губернатора и учителей аттестаты, въ которыхъ прописывалось, „какое кто въ наукахъ знаніе и особливое искусство получилъ“⁴⁾. Свой проектъ воронежскіе избиратели изъ канцеляристовъ и приказныхъ служителей заканчиваютъ перечнемъ тѣхъ выгодъ, которыя могутъ послѣдовать отъ учрежденія школъ по губерніямъ „какъ государству, такъ канцелярскимъ служителямъ и прочимъ согражданамъ“⁵⁾. А выгоды эти слѣдующія: „избавятся малолѣтнія дѣти отъ невѣжества и грубости, въ которыхъ бы они, не будучи просвѣщены науками, во все время жизни своей погребены были. По вступленіи жъ въ военную и статскую службу передъ небывшими во оныхъ въ должностяхъ своихъ особливое знаніе и искусство возымѣютъ и черезъ то государству и всему обществу полезными быть могутъ; и, наконецъ, какъ сами они, такъ и сторонніе восчувствуютъ свою собственную пользу, единственно отъ наукъ происходящую, и потому возымѣютъ, какъ вступать въ тѣ школы, такъ потомъ по выbytіи изъ нихъ въ другія должности къ высокой Ея И. В. службѣ ревностную охоту“⁶⁾.

Духовенство уже въ силу своего профессиональнаго положенія не могло, конечно, обходиться безъ школьной выучки, хотя

¹⁾ Ibid., т. 144, стр. 207, 208.

²⁾ Ibid., т. 144, стр. 207, 208.

³⁾ Ibid., т. 144, стр. 207, 208.

⁴⁾ Ibid., т. 144, стр. 207, 208.

⁵⁾ Ibid., т. 144, стр. 207, 208.

⁶⁾ Ibid., т. 144, стр. 207, 208.

бы и самой примитивной; поэтому вопросъ о школахъ для дѣтей духовенства долженъ былъ неизбежно всплыть въ тѣхъ заявленіяхъ, которыя направлены были въ комиссію черезъ Синодъ въ видѣ, такъ называемыхъ, пунктовъ отъ епархіальныхъ архіереевъ. Такъ, напр., бѣлое духовенство Кіево-Печерской лавры, затрагивая тяжелое матеріальное положеніе вдовъ и сиротъ лицъ духовнаго сословія, просило объ освобожденіи отъ всякаго рода сборовъ и повинностей домовъ, принадлежащихъ семьямъ умершихъ церковно- и священно-служителей „дабы оныя дѣти до возрасту въ случаѣ смерти родительской, свободу имѣли обучаться въ школахъ и приспособиться къ священству, или другой по ихъ статьѣ службѣ“¹⁾. Но и для другихъ сословій было крайне важно имѣть руководителями своей совѣсти не безграмотныхъ невѣждъ, а лицъ, хотя бы съ небольшою, но все-же спеціальною школьною подготовкою. Вотъ почему въ наказахъ, какъ отъ дворянъ, такъ и отъ горожанъ, иногда встрѣчаются пожеланія касательно учебныхъ заведеній для дѣтей церковно- и священно-служителей. Такъ сумскіе дворяне и помѣщики, отмѣтивъ правительственныя заботы объ образованіи, ходатайствуютъ, между прочимъ, объ открытіи для духовенства школъ сословнаго типа, отчего, по ихъ словамъ, „недостатокъ въ разумѣющихъ церковно-служителяхъ во многихъ мѣстахъ поправитца“²⁾. Почти такое же пожеланіе высказываютъ городскіе избиратели Бѣжецкаго Верха, которые „всеподданнѣйше просятъ учредить для просвѣщенія въ дѣтяхъ ученіемъ разума школу за дальностью семинарій въ здѣшнемъ городѣ, хотя небольшую, въ которой бы обучаться имѣли какъ городскіе, такъ и уѣздные священно-церковно-служительскія дѣти... грамматикѣ и арихметикѣ и прочимъ, какимъ соизволено будетъ, причисляющимъ священно-церковно-служительскимъ дѣтямъ, наукамъ“³⁾.

Но въ духовенствѣ болѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой общественной группѣ, сказывался духъ сословной замкнутости. И въ тѣхъ заявленіяхъ, которыя исходили непосредственно отъ представителей духовенства, много вниманія уделено строго сословной школѣ. О томъ, въ какомъ положеніи находились духовныя школы въ Россіи середины XVIII вѣка, мы узнаемъ только изъ пунктовъ, приложенныхъ къ синодальному наказу. Но свѣдѣнія, находящіяся въ этихъ пунктахъ,

¹⁾ Ibid., т. 43, стр. 111.

²⁾ Ibid., т. 68, стр. 276—277.

³⁾ Ibid., т. 107, стр. 50.

относятся исключительно къ малороссійскимъ епархіямъ. Главнѣйшимъ разсадникомъ образованія въ юго-западномъ краѣ была, конечно, Кіевская Духовная Академія, основанная еще въ концѣ XVII вѣка митрополитомъ Петромъ Могилою. Ея студенты оказывали большіе успѣхи въ наукахъ, о чемъ пространно говорить въ своихъ пунктахъ кіевскій митрополитъ. Кромѣ цѣлаго ряда иностранныхъ языковъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, они изучали „первыя основанія исторіи, географіи и ариѳметики“¹⁾. Нѣкоторые же студенты „на собственномъ своемъ коштѣ, хотя съ неописанной бѣдностью соединенномъ, для продолженія и полученія высшихъ наукъ ради пользы отечества отправлялись въ Германію“²⁾. Въ Черниговѣ въ 1700 г. учрежденъ былъ коллегіумъ „для наставленія въ словесныхъ наукахъ россійскаго юношества“, въ немъ проходились обычныя для схоластическихъ школъ, такъ называемыя, тривіальныя знанія, и весь онъ помѣщался въ четырехъ каменныхъ избахъ „объ одномъ аппартаментѣ съ накатными потолками“³⁾, которые „въ крайнее пришли обветшаніе“⁴⁾. Въ этихъ помѣщеніяхъ размѣщались всѣ классы до риторики включительно, а философія „за неимѣніемъ для оной особой избы преподавалась въ трапезѣ катедральной“⁵⁾. Далеко нельзя сказать, чтобы всѣ эти избы и трапезныя были въ достаточной мѣрѣ приспособлены къ нуждамъ преподаванія. Вслѣдствіе этого въ коллегіумѣ происходили значительныя педагогическія неудобства. Каменные избы коллегіума „устроены на непристойномъ мѣстѣ при самой зѣ воротъ городовыхъ идучей въ крѣпость главной дороги, почему отъ проходящаго и проѣзжающаго подъ самыми окошками многого народа бываютъ великіе шумы и крики, и затѣмъ не малое бываетъ въ ученіи безпокойство и помѣшательство“⁶⁾. Что касается философскаго класса, то о немъ въ пунктахъ находимъ слѣдующее краснорѣчивое описаніе: „философія же въ трапезѣ производится ученіемъ временемъ за священнослуженіемъ, а еже часто за монашествующими, собирающимися въ свое время за трапезу весьма трудно и почитать вовсе неудобно“⁷⁾. И Кіевская Академія, и Черни-

¹⁾ Ibid., т. 43, стр. 92.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid., т. 43, стр. 100.

⁴⁾ Ibid., т. 43, стр. 100.

⁵⁾ Ibid., т. 43, стр. 100.

⁶⁾ Ibid., т. 43, стр. 100.

⁷⁾ Ibid., т. 43, стр. 100.

говскій коллегіумъ были въ сущности привилегированными учебными заведеніями, но ихъ привилегіи отчасти не были подтверждены, отчасти не соблюдались. Вотъ почему въ пунктахъ отъ малороссійскихъ епархій много вниманія удѣлено вопросу о томъ привилегированномъ положеніи, которымъ должна пользоваться духовная школа. Объ этомъ говорятъ, напримѣръ, въ своихъ пунктахъ и Кіевскій митрополитъ, и Черниговскій архіерей. Первый изъ этихъ іерарховъ возбуждаетъ ходатайство о подтвержденіи ранѣе данныхъ грамотъ и универсаловъ „съ прежнимъ наименованіемъ Кіевскихъ школъ академіей¹⁾. Учащіеся въ этой Академіи должны на основаніи прежде данныхъ привилегій подлежать особой академической подсудности: „всѣмъ, какъ воинскимъ, такъ и гражданскимъ правительствомъ и другимъ всякимъ присутственнымъ мѣстамъ и всякаго чина людямъ“, пишетъ въ своихъ пунктахъ Кіевскій митрополитъ— „студентовъ и учениковъ Кіевской Академіи безъ письменнаго сношенія съ тою Академіею не брать; много паче наказанія имъ чинить не дерзать, но каждому изобиженному представлять свою жалобу порядочно въ Академію и утвердить, чтобъ они, студенты, судимы были по прежнимъ тоей Академіи регуламъ и обыкновеніямъ“²⁾. Черниговское епархіальное начальство также мечтаетъ создать привилегированную подсудность для учащихся въ Черниговскомъ коллегіумѣ. Оно горько сѣтуетъ на то, что „нѣкоторыя свѣтскія команды, думая, что имъ по ихъ могуществу все дозволено, обучающихся по несправеднымъ клеветамъ, а временемъ и по нѣкоторымъ преступленіямъ сами собою берутъ, подъ карауломъ содержать и съ пристрастіемъ допрашиваютъ“³⁾. Такіе допросы пагубно вліяютъ и на нравственную репутацію учащихся и на ихъ научные успѣхи, „что какъ не малымъ пятномъ бываетъ ученію, такъ и въ любителяхъ онаго причиняетъ отъ любимаго ими предмета отвращеніе“⁴⁾. Для огражденія коллегіантовъ отъ подобнаго рода неприятностей, Черниговскій архіерей ходатайствовалъ, чтобы „всѣмъ командамъ дѣлать то, кромѣ криминальныхъ дѣлъ, наикрѣпчайше запрещено было“⁵⁾. Въ случаѣ же привлеченія учениковъ коллегіума къ судебной отвѣтственности, судопроизводство должно было облекаться въ нѣсколько свое-

¹⁾ Ibid., т. 43, стр. 89—90.

²⁾ Ibid., т. 43, стр. 89—90.

³⁾ Ibid., т. 43, стр. 100.

⁴⁾ Ibid., т. 43, стр. 100.

⁵⁾ Ibid., т. 43, стр. 100.

образныя формы, напоминающія древнерусскіе совѣстные суды: „а ежели кто изъ обучающихся впадетъ въ какое преступленіе, то свѣтскимъ командирамъ, возымѣвъ съ ректоромъ или префектомъ устное или письменное сношеніе, дѣло оное опредѣленными съ обоихъ сторонъ депутатами слѣдовать и, изслѣдовавъ въ силу узаконеній, виноватаго по общему приговору наказывать“¹⁾. Вообще привилегированное положеніе учащихся не должно было ограничиваться исключительно сферой юрисдикціи. Черниговское епархіальное начальство, напримѣръ, ходатайствуетъ объ освобожденіи отъ постоя квартиръ, нанимаемыхъ на свой коштъ учениками, выставляя при этомъ соображенія чисто-педагогическаго характера: „понеже тамъ, гдѣ однимъ шумъ и веселіе пріятны, а другимъ тишина и умозрительство необходимо нужны, какъ согласія никогда не надѣются, такъ и желаемой отъ ученія пользы ожидать не можно“²⁾. Такая привилегированная духовная школа должна была своихъ питомцевъ снабдить не только извѣстнымъ комплексомъ знаній, но и давать имъ при окончаніи нѣкоторыя преимущества по службѣ.

По мнѣнію Кіевскаго митрополита, необходимо издать законъ о томъ, чтобы „все тѣ студенты, кои себѣ отличать трудолюбіемъ, превосходнымъ успѣхомъ въ наукахъ и добрымъ поведеніемъ, а за то заслужать похвальныя отъ Академіи свидѣтельства, какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ чинахъ имѣли къ достиженію желаемыхъ мѣстъ преимущество и первенство предъ прочими“³⁾.

Если вообще народное образованіе въ Россіи первой половины XVIII вѣка находилось, можно сказать, въ зачаточномъ состояніи, то о деревенскихъ школахъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Однако къ моменту созыва Законодательной Комиссіи все же потребность въ образованіи стала сказываться и въ крестьянской средѣ. Мы имѣемъ прямыя заявленія о необходимости школъ для государственныхъ крестьянъ и однодворцевъ, какъ со стороны сельскихъ избирателей, такъ въ особенности со стороны депутатовъ отъ пахотныхъ солдатъ и старыхъ службъ служилыхъ людей. Крѣпостная масса вынуждена была молчать. Но въ защиту школы для помѣщичьихъ крестьянъ подняли свой голосъ и нѣкоторые дворяне, а главнымъ образомъ епархіальные архіереи и опять таки тѣ же депутаты отъ свободныхъ элементовъ сельскаго

¹⁾ Ibid., т. 43, стр. 100—101.

²⁾ Ibid., т. 43, стр. 100.

³⁾ Ibid. т. 43, стр. 92—93.

населенія. При этомъ, какъ въ наказахъ, такъ и въ рѣчахъ депутатовъ, не только констатировался самый фактъ необходимости заведенія школъ по деревнямъ, но даже подробно развивались соображенія по вопросу объ организаціи всего дѣла народнаго образованія.

Конечно, и избиратели при составленіи своихъ наказовъ, и ораторы, выступавшіе въ Большомъ Собраніи, руководствовались, главнымъ образомъ, соображеніями практическаго характера. Однако, не забыта была при этомъ и общегосударственная точка зрѣнія, выяснявшая пользу образованія вообще. Такъ въ самый разгаръ полемики, возникшей въ маѣ 1768 года въ Большой Комиссіи по вопросу объ учрежденіи школъ по селамъ и деревнямъ, выступилъ съ обширной рѣчью депутатъ отъ Клинскаго дворянства Петръ Орловъ. Онъ говорилъ горячо и убѣдительно, стараясь доказать собранію „что просвѣщенное познаніе всего нужнѣе для одушевленной твари, которою есть человѣкъ“. Однако, по его словамъ, „сіе познаніе очень рѣдко бываетъ соединено съ природой; слѣдовательно, получается оно отъ наставленія, что преподается не индѣ, какъ въ училищахъ“¹⁾. По мнѣнію Ростовскаго епископа Леанасія школа должна была являться средствомъ воспитательнаго воздѣйствія на крестьянъ, смягчать ихъ грубые нравы и возбуждать въ нихъ высокіе моральные запросы. „Черезъ посредство школы“, читаемъ мы въ пунктахъ, отправленныхъ имъ въ Синодъ— „познаніе христіанскаго закона вкореняться, а грубость нравовъ ихъ исправляться будетъ, и разныя незаконныя дѣла, которыхъ многіе ихъ нихъ и въ грѣхъ не ставятъ, истребляться будутъ“²⁾.

¹⁾ Ibid. т. 32, стр. 520—521. Примѣчаніе: не можемъ не привести тѣхъ соображеній, которыми Орловъ очень обстоятельно доказываетъ правильность своей точки зрѣнія: „Самая истина, т.-е., что познаніе вещей и обращеніе времени просвѣщаетъ человѣка и сіе то просвѣщенное познаніе сообщаетъ мыслямъ разсудки, коимъ можетъ онъ дойти до разобранія добраго отъ худого; когда же такое различіе онъ постигнетъ, то въ то-жъ самое время будетъ находить плоды и возмездія обѣихъ сихъ системъ. Сравнивая же одно съ другимъ, т. е. плоды добра и худа и притомъ возмездіе оныхъ, какъ честный человѣкъ, всегда можетъ тѣмъ подкрѣпляться, удерживать себя въ своей должности, такъ и порочныхъ склонностей—единымъ страхомъ, грозящимъ наказывать безпутства, воздерживаться будетъ отъ непорядочной жизни, и бываетъ вѣкогда такое воздержаніе привычкою, дѣлающей, наконецъ, изъ нечестнаго честнымъ человѣкомъ“.

²⁾ Ibid., т. 43, стр. 422.

Почти то же самое говорят и составители нѣкоторыхъ дворянскихъ наказовъ. Такъ дворяне Копорскаго уѣзда настаиваютъ на заведеніи школъ для крестьянъ „дабы знаніемъ закона, хотя мало, поправить нравы ихъ“¹⁾; а крапивенскіе дворяне полагаютъ, что обучившись чтенію и письму „подлый народъ впредь просвѣщенный разумъ имѣть будетъ“²⁾. Въ противоположность этимъ соображеніямъ отвлеченнаго характера, почерпнутымъ изъ области естественнаго права и соціальной этики, дворянскіе избиратели Дмитровскаго уѣзда видятъ въ устройствѣ сельской школы мѣру весьма выгодную для самихъ же помѣщиковъ: „къ сему весьма склонять надлежитъ cadaго помѣщика“, читаемъ мы въ ихъ наказѣ,—„толкуя всякому, сколько больше пользы онъ можетъ надѣяться отъ грамотнаго крестьянина“³⁾. А Псковскіе дворяне полагаютъ, что крестьянская школа будетъ полезна не только однимъ помѣщикамъ, но и вообще всему государству: „черезъ что современемъ полезнѣйшее для общества выдти можетъ и къ познанію на послѣдокъ доходить стануть“, читаемъ мы въ ихъ наказѣ—„а безъ того первое, что о законѣ такъ понять не могутъ, а притомъ въ мастерствахъ и во всѣхъ дѣлахъ безграмотные великое во всемъ затрудненіе имѣютъ“⁴⁾.

На какой же народной школѣ останавливались избиратели 1767 г, когда высказывали свои пожеланія по вопросу о поднятіи культурнаго уровня помѣщичьихъ крестьянъ того времени. Внимательно штудировавъ указы, нельзя не придти къ заключенію, что составители ихъ всѣ свои симпатіи направляли въ сторону школы церковно-приходскаго типа. „При церквахъ и киркахъ сего уѣзда“, говорятъ Ямбургскіе дворяне—„весьма нужно учредить школы для малолѣтнихъ, въ коихъ обучать того уѣзда дворовыхъ и крестьянскихъ дѣтей грамотѣ и первыхъ основаній закона, и кто кого отдать пожелаетъ, тѣхъ принимать и обучать“⁵⁾. За передачу дѣла народнаго образованія въ руки приходскаго духовенства довольно часто высказывались дворяне на выборахъ 1767 года. Объ этомъ говорятъ и Копорскіе, и Крапивинскіе, и Псковскіе избиратели, хотя это не мѣшаетъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ нихъ, одновременно отмѣчать грубое невѣжество, царившее въ средѣ сельскаго причта. Такъ, Копор-

¹⁾ Ibid. т. 14, стр. 244.

²⁾ Ibid. т. 8, стр. 557.

³⁾ Ibid. т. VIII, стр. 507.

⁴⁾ Ibid., т. 14, стр. 397.

⁵⁾ Ibid. т. 14, стр. 249.

скіе дворяне „за нужное находятъ учредить при церквахъ училища какъ для русскихъ, такъ и для чухонскихъ дѣтей“, въ которыя они „въ возрастѣ отъ семи до двѣнадцати лѣтъ въ зимнее время для обученія грамотѣ и первыхъ основаній закона за умѣренную плату ходить могутъ“¹⁾. „А дьячкамъ и понамарямъ“, читаемъ мы въ наказѣ Крапивинскихъ дворянъ—„обучать крестьянскихъ мужеска пола дѣтей отъ семи лѣтъ грамотѣ и писать на содержаніи отцовъ ихъ“²⁾. Псковскіе же дворяне, хотя и отмѣчаютъ, что „дьячки и понамари при уѣздныхъ церквахъ того же сорта не знающихъ и самое простѣйшее, какъ и протчее сельское духовенство“, однако предлагаютъ, чтобы тѣ изъ нихъ, „кои лучше грамотѣ знаютъ“, имѣли у себя „школы словесныя“ подобно тому, какъ это происходитъ въ другихъ государствахъ, а также въ Лифляндіи и Малороссіи. Сначала можно обучать крестьянскихъ дѣтей въ этихъ школахъ „по самой малой части, хотя отъ ста по одному отъ помѣщиковъ опредѣленныхъ“. Постепенно же число учащихся можетъ увеличиваться и одни ученики могутъ быстро смѣняться другими: „кто-жъ охотно пожелаетъ“, говорятъ они въ заключеніе—„почитая о радивости ихъ къ отечеству, обучать всѣхъ, а по выучкѣ тѣхъ распустя въ ихъ дома, набирать другихъ, и такъ продолжать далѣе“³⁾.

Если такія рѣчи раздавались на дворянскихъ избирательныхъ собраніяхъ, если въ глазахъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ наиболее подходящими народными учителями могли быть полуграмотные дьячки и понамари, то мы можемъ себѣ à priori представить, какую систему народнаго обученія будутъ отстаивать духовныя власти. „Обязать прихожанъ въ воскресные и праздничные дни, читаемъ мы въ наказѣ Св. Синода—„приходить въ церковь съ малолѣтними, коихъ послѣ литургіи обучать священникомъ Господней молитвы, символа вѣры и десяти Господнимъ Заповѣдямъ“⁴⁾. Но такой примитивный способъ обученія удовлетворялъ далеко не всѣхъ членовъ Синода. Такъ, напр., его первоприсутствующій членъ, Петербургскій архіепископъ Гавріиль, предлагалъ „при всякой градской и сельской церкви для маленькихъ приходскихъ ребятъ, кои еще работать не могутъ, завести школы“⁵⁾. Педагогами въ этихъ

¹⁾ Ibid. т. 14, стр. 243.

²⁾ Ibid., т. VIII, стр. 557.

³⁾ Ibid., т. 14, стр. 397.

⁴⁾ Ibid., т. 43, стр. 51.

⁵⁾ Ibid., т. 43, стр. 418.

школахъ должны были быть священники и дьяконы, которымъ вмѣнялось въ обязанность „обучать дѣтей катехизиса и грамоты по мѣрѣ понятія ихъ въ удобное время“¹⁾. Почти буквально такого же взгляда на дѣло народнаго образованія держался и другой іерархъ русской церкви, архіепископъ Ростовскій и Ярославскій Аѳанасій. Онъ стоялъ за то, чтобы крестьянскихъ дѣтей отъ 7 до 13 лѣтъ, когда „они никакихъ крестьянскихъ работъ исправлять еще не могутъ, а пребываютъ праздно, обучать грамотѣ, букваря и катехизиса“²⁾. Однако, больше 13 лѣтъ обученіе, по мнѣнію епископа Аѳанасія, продолжаться не можетъ и „буде прежде тѣхъ лѣтъ кто не выучится, тогда болѣе къ обученію не понуждать, а отдавать отцамъ ихъ съ тѣмъ, кто что выучилъ, дабы въ крестьянскихъ работахъ остановки быть не могло“³⁾. Самое обученіе по проекту Ростовскаго владыки должно было носить не столько школьный, сколько домашній характеръ. Родители обязаны были отдавать своихъ семилѣтнихъ сыновей кому-нибудь изъ церковно-или священнослужителей, „а оныя должны тѣхъ крестьянскихъ дѣтей обучать со всевозможнымъ раченіемъ“⁴⁾.

Но для того, чтобы провести всѣ эти предположенія въ жизнь, необходимо было снабдить проектируемыя церковно-приходскія школы надлежащимъ количествомъ учебныхъ пособій. При отсутствіи въ то время въ Россіи сколько-нибудь организованной общественной самодѣятельности, вопросъ о снабженіи школъ учебниками могъ быть разрѣшенъ только правительствомъ. „Буквари же и катихизисы для обученія тѣхъ крестьянскихъ дѣтей, дабы крестьянамъ въ покупкѣ оныхъ отягощенія быть не могло, слѣдуетъ разослать ко всякой церкви по препорціи на первый случай изъ казны безденежно, или весьма съ небольшою за оныя платою, которую за немущихъ велѣтъ платить помѣщикамъ, а протчихъ вотчинъ—старостамъ и выборнымъ изъ мірскихъ денегъ“⁵⁾. Такимъ образомъ пріоритетъ въ системѣ народнаго образованія долженъ былъ достаться школѣ церковнаго типа. За нее высказывались и дворяне, и духовенство. Однако, наряду съ этимъ дружнымъ хоромъ сторонниковъ приходской школы, раздавались во время избирательной кампаніи 1767 года робкіе голоса сторонниковъ свѣтскаго обученія. „Уговаривать надлежитъ каж-

¹⁾ Ibid., т. 43, стр. 418.

²⁾ ³⁾ и ⁴⁾ Ibid. т. 43, стр. 422.

⁵⁾ Ibid., томъ 43, стр. 422.

лого“, предлагаютъ въ своемъ наказѣ Дмитровскіе дворяне — „чтобы дворовъ на сто въ иномъ мѣстѣ одинъ помѣщикъ, въ другомъ разные помѣщики сложасъ, содержали искуснаго учителя для обученія по нѣскольку крестьянскихъ дѣтей грамотѣ и простымъ ариѳметическимъ правиламъ“¹⁾.

На-ряду съ дворянствомъ и духовенствомъ вопросъ о просвѣщеніи широкой народной массы затрагивали въ своихъ наказахъ и другіе избиратели, по своему общественному положенію принадлежавшіе къ такъ называемымъ старымъ службамъ служилымъ людямъ. Они стояли на грани между помѣстнымъ дворянствомъ и государственными крестьянами, приближаясь болѣе къ послѣднимъ, какъ въ бытовомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Такъ, напр., отставные унтеръ-офицеры и солдаты города Мензелинска ходатайствовали о томъ, чтобы ихъ дѣтей „до опредѣленія въ полки, дабы они не лишались ко обученію грамотѣ ни въ какія по городу службы не употреблять“²⁾. Обучать же ихъ они хотѣли не только грамотѣ, но и „всѣмъ воинскимъ политикомъ“. Засѣчные и помѣстные сторожа деревни Кулешовой, Лихвинскаго уѣзда „необходимо за нужное находили... науки и наставленія богоугоднымъ дѣламъ, т. е. духовнымъ, а при томъ и свѣтскимъ и благосостоянію“³⁾. Для чего, по ихъ мнѣнію, впредь нужны есть наставники суть и учителя духовные и свѣтскіе, довольно знающіе законы и добрыя поведенія“⁴⁾. Вотъ въ какихъ очертаніяхъ выступаетъ передъ нами вопросъ о сельской школѣ на фонѣ тѣхъ общихъ пожеланій, которыя были высказаны во время выборовъ въ Екатерининскую законодательную комиссію. Нѣкоторые указы при этомъ искренне, повидимому, вѣрили въ свѣтлое будущее народнаго образованія въ Россіи. „А впредь оныя крестьяне по возрастѣ имѣя поправленные нравы и просвѣщенные нѣскольکو мысли могутъ и сами дѣтей своихъ грамотѣ и добронравію обучать“⁵⁾, говоритъ въ своихъ пунктахъ Ростовскій епископъ Аѳанасій, послѣ того, какъ имъ подробно была выяснена организація церковно-приходской школы, но при этомъ дѣлаетъ слѣдующую любопытную оговорку: „чего надлежитъ смотрѣть помѣщикамъ, кои въ вотчинахъ своихъ жительство имѣютъ, тако-жь управителямъ, прикащикомъ и старостамъ“⁶⁾. Слѣдовательно, культурный ростъ населенія долженъ

¹⁾ и ²⁾ Ibid., т. 8, стр. 507.

³⁾ и ⁴⁾ Ibid., т. 115, стр. 95 и 216.

⁵⁾ Ibid., т. 43, стр. 422.

⁶⁾ Ibid., т. 43, стр. 422.

былъ находиться въ тѣсной зависимости отъ начальственнаго воздѣйствія лицъ, власть имущихъ, безъ рачительныхъ заботъ, которыхъ крестьянская масса, повидимому, не могла сама собою разсвѣять царившій вокругъ нея густой мракъ невѣжества.

Въ самой комиссіи весною 1767 года загорѣлись довольно оживленныя пренія какъ о пользѣ и значеніи образованія вообще, такъ въ частности о цѣлесообразности заведенія школъ для свободныхъ и крѣпостныхъ разрядовъ сельскаго населенія. Въ этихъ преніяхъ высказались представители почти всѣхъ сословныхъ группъ, имѣвшихъ своихъ депутатовъ въ комиссіи. По этому вопросу говорили и пахотные солдаты, и однодворцы, и дворяне, и депутаты отъ городовъ. Первымъ, кто прямо и опредѣленно поставилъ вопросъ о крестьянской школѣ, былъ Жеребцовъ, депутатъ отъ пахотныхъ солдатъ Нижегородской провинціи. 2-го мая, 1768 года въ 121 засѣданіи онъ выступилъ съ предложеніемъ „чтобы изъ служилыхъ людей учинить дѣтскія школьныя ученія, отъ чего“, по его словамъ — „можетъ воспослѣдовать общественная великая польза по такой причинѣ, понеже тѣ ученые люди для государственныхъ надобностей, такъ и вотчинному правленію могутъ быть всегда способны“ ¹⁾. Однако, съ предложеніемъ Жеребцова далеко не всѣ были согласны. Уже въ слѣдующемъ засѣданіи 5-го мая съ пространными возраженіями ему выступилъ одинъ изъ городскихъ депутатовъ, Любавцевъ. Пахотнымъ солдатамъ и вообще государственнымъ крестьянамъ, по его мнѣнію „учрежденныхъ для нихъ училищъ совсѣмъ имѣть не надлежитъ, потому что земледѣльцу другихъ наукъ, состоянію ихъ не принадлежащихъ, совсѣмъ имѣть не слѣдуетъ, кромѣ російской грамоты, и то по собственному чьему изъ нихъ желанію, которые могутъ оныя имѣть и безъ учрежденія для нихъ училищъ, какъ и до нынѣ оно было“. Отъ учрежденія же школъ можетъ произойти только казенный ущербъ, а „въ земледѣліи уменьшеніе“, отъ чего „въ хлѣбныхъ цѣнахъ“ произойдетъ „возвышеніе“ ²⁾. Такимъ образомъ, народное образованіе въ глазахъ этого пензенскаго депутата являлось не факторомъ хозяйственнаго прогресса страны, а ферментомъ разложенія существующаго хозяйственнаго строя. Доказывая, что образованіе необходимо только для высшихъ привилегированныхъ общественныхъ состояній, Любавцевъ въ своемъ рвеніи дохо-

¹⁾ Ibid., т. 32, стр. 398.

²⁾ Ibid., т. 32, стр. 412.

доть до того, что предлагаетъ пахотныхъ солдатъ силою принуждать къ земледѣлю. „А для употребленія въ науки и для государственной пользы“, восклицаетъ онъ съ паѳосомъ— „Россійское государство по благодати Господней имѣетъ весьма довольно и окомѣ хлѣбопашцевъ, другихъ родовъ по состоянію ихъ къ тому приличныхъ“. Образование, по его мнѣнію, наноситъ не только матеріальный ущербъ странѣ, такъ какъ „если крестьяне съ малолѣтства будутъ употребляться въ науки, то уже къ земледѣлю и прочей работѣ склонить будетъ никакъ не возможно“¹⁾, но и пагубно отражается на народной нравственности. Такъ, на примѣръ, многіе изъ пахотныхъ солдатъ, приписанные къ городу Пензѣ „и безъ школъ обучились грамотѣ и писать и происками произошли, хотя и въ противность указу, въ секретари и въ регистраторы и въ прочіе приказные служители“, и, получивъ образование, „вдаются во многія непотребности, въ обманъ, мотовство, лѣность и воровство“²⁾. Этому стороннику мракобѣсія и обскурантизма отвѣчалъ Селивановъ, представитель тѣхъ самыхъ пензенскихъ пахотныхъ солдатъ, на которыхъ такъ обрушивался Любавцевъ. „Можетъ ли кто сказать“, спрашивалъ, обращаясь ко всему собранію, Селивановъ, — „чтобъ отъ происшедшихъ въ науку изъ разночинцевъ, словомъ хотя изъ хлѣбопашцевъ, могло быть въ земледѣліи уменьшеніе“? И какъ бы не ожидая возраженій со стороны своихъ слушателей, тотчасъ давалъ такой отвѣтъ: „несправедливо потому, ибо одинъ, имѣющій просвѣщеніе, можетъ распространить оное лучше, нежели десять неученыхъ. Ссылаясь на Большой Наказъ, въ которомъ говорится, что „самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, Государя и государства“, Селивановъ спрашиваетъ самъ себя, отъ чего можетъ послѣдовать слава, какъ не отъ просвѣщенія? Когда непросвѣщенные будутъ народы, возможно ли, что изъ него сдѣлать отечеству полезное; а чѣмъ больше просвѣщеніе входитъ, какъ не черезъ науки“. Въ самомъ Наказѣ онъ находитъ прямое предписаніе давать образование всѣмъ безъ различія состояній. „А просвѣщеніе“, снова спрашиваетъ Селивановъ — „черезъ что можетъ вкорениться, какъ не черезъ учрежденіе училищъ“. Разбивая доводы Любавцева, Селивановъ доказываетъ, что изъ его же словъ видна „къ наукѣ охота и ревность“ старыхъ службъ служи-

¹⁾ Ibid., т. 32, стр. 412.

²⁾ Ibid., т. 32, стр. 412.

лыхъ людей, содержащихъ ландмилицію. Ссылка Любавцева на непотребное житіе пахотныхъ солдатъ, получившихъ образованіе, кажется Селиванову чрезвычайно несправедливой, такъ какъ „чѣмъ больше человекъ обученъ страха Божія, тѣмъ больше имѣетъ бережливость отъ противныхъ ему предпріятій“¹⁾. Не оставилъ безъ возраженія рѣчи Любавцева и Жеребцовъ. Онъ снова взялъ слово и старательно выяснилъ, что въ своемъ первоначальномъ предложеніи онъ не требовалъ „заведенія въ разсужденіи живыхъ и прочихъ иностранныхъ языковъ, а объ сціенціяхъ и думать не имѣлъ намѣренія“, а говорилъ только объ изученіи катехизиса, чтенія и письма. „Познаніемъ трехъ сихъ пунктовъ, ученіемъ же пріобрѣтенныхъ“, читаемъ въ заключительной части его возраженій Любавцеву— „не отвратится человекъ отъ земледѣлія, но помня сіе правило: кто онъ и для чего созданъ, съ большей ревностью къ оному стараніе, труды и попеченіе приложить“²⁾. Жеребцовъ нашелъ себѣ сторонниковъ и среди представителей дворянской интеллигенціи въ лицѣ серпейскаго депутата, графа Строганова. Мнѣніе Жеребцова о заведеніи школъ для пахотныхъ солдатъ столь справедливо, что графъ Строгановъ по его собственному признанію не могъ не преминуть, чтобы „не воздать оному господину депутату достойной похвалы“. Онъ при этомъ выразилъ желаніе, чтобы предложеніе Жеребцова распространено было и на хлѣбопашцевъ, т.-е. на крѣпостныхъ крестьянъ „ибо едино просвѣщеніе человека отъ скота различаетъ; едино просвѣщеніе показываетъ намъ долгъ къ Богу, къ Государю и обществу“³⁾. Свою рѣчь графъ Строгановъ произнесъ 16-го мая 1768 года, но еще за два мѣсяца передъ тѣмъ этого вопроса, хотя и вскользь, касался симбирскій депутатъ Ларіоновъ во время обсужденія законовъ о купечествѣ. Въ засѣданіи 19-го марта 1768 года онъ сказалъ, между прочимъ: „по моему мнѣнію не только купеческихъ, но и всякаго земледѣльца дѣтей, гдѣ есть священники, надлежитъ обучать грамотѣ отъ 5 до 7 лѣтъ, чтобы они знали законъ Божій, потому что въ такихъ малыхъ лѣтахъ они еще не способны ни къ какой работѣ“⁴⁾. Такъ вопросъ объ организаціи народнаго образованія былъ значительно расширенъ въ своей постановкѣ и указано было на полную цѣлесообразность заве-

¹⁾ Ibid., т. 32, стр. 431—432.

²⁾ Ibid., т. 32, стр. 453.

³⁾ Ibid., т. 32, стр. 467.

⁴⁾ Ibid., т. 14, стр. 201.

денія школъ не только среди свободнаго сельскаго населенія, но и у владѣльческихъ крестьянъ.

28-го мая депутатъ отъ дворянъ Клинскаго уѣзда, Орловъ даже подѣлился съ членами Законодательной комиссіи результатами его личнаго опыта по обученію крестьянскихъ дѣтей. Въ своемъ клинскомъ имѣніи онъ устроилъ „самую нижнюю школу, гдѣ обучаются россійской грамотѣ и письму крѣпостныхъ его селянскія дѣти въ такія лѣта, въ кои не могутъ обрабатывать землю и, слѣдовательно, хлѣбопашеству еще не нужны“. Хотя школа заведена всего нѣсколько лѣтъ, но уже можно констатировать довольно значительные успѣхи учащихся. „Два или три отрока изъ обучившихся“, говоритъ Орловъ — „показываютъ уже мнѣ, сколько они отмѣнны отъ состарившихся въ невѣжествѣ: они уже говорятъ лучше и читаютъ письма. Они сами собой изъ чтенія находятъ, чѣмъ они обязаны Богу, Государю, Отечеству и, наконецъ, по законамъ помѣщику своему; они читаютъ дома семейству своему священныя книги, они уже не только помышляютъ о предпріятіяхъ къ своему содержанію, которымъ не были бы тягостью своему семейству; а при всемъ томъ, сколько возрастъ (пятнадцати или шестнадцати лѣтъ) обучившихся позволяетъ, въ хлѣбопашествѣ упражняются такъ, какъ и неграмотные. Однимъ словомъ, они уже заслуживаютъ, что можно имъ приказать, повѣрить и надѣяться“¹⁾. Если предложеніе Жеребцова встрѣтило непримиримаго оппонента въ лицѣ пензенскаго городскаго депутата Любавцева, то, пожалуй, еще болѣе яростнымъ противникомъ школы для дѣтей крѣпостныхъ крестьянъ явился депутатъ отъ обоянскаго дворянства Глазовъ. Въ 139 засѣданіи 2-го іюня 1768 года онъ въ пространной рѣчи старался доказать, что учреждать школы для крѣпостныхъ „за немалымъ отягощеніемъ народу невозможно“. Глазовъ дѣлалъ по-

¹⁾ Ibid. т. 32, стр. 521 - 522. Примѣчаніе. Считаю не безынтереснымъ въ дополненіе къ сообщенію депутата Орлова привести небольшую выдержку изъ „Записокъ академика Лепехина“. Описывая свой путь отъ Арзамаса до Алатыря, онъ, между прочимъ, говоритъ: „отъ Масловки до села Исакова должно намъ было перемѣнить лошадей, гдѣ мы, отъ дождя зашедъ къ священнику, въ первый разъ увидѣли попеченіе помѣщицы о воспитаніи крестьянскихъ дѣтей, которая на своемъ иждивеніи обучаетъ ихъ россійской грамотѣ, въ чемъ священникъ съ причетниками руководствуетъ“. Записки академика Лепехина, часть I, гл. IV, страница 38. Слѣдовательно, ко времени Екатерины II среди помѣщиковъ уже начинали попадаться лица, проявлявшія заботу объ образованіи своихъ крестьянъ.

пытку прикрыть свою реакціонность въ вопросѣ о народномъ образованіи соображеніями практическаго и бытового характера. Подростки ниже 16 лѣтъ, по его словамъ, уже „принуждены пахать и обрабатывать землю свою въ двѣ сохи, питаютъ женскій полъ и меньшихъ своихъ братьевъ, платятъ государственныя всякія подати“. Обоянскій депутатъ приходилъ въ ужасъ при мысли о томъ, что будетъ съ народнымъ и государственнымъ хозяйствомъ, если всѣ крестьяне до 16 лѣтъ будутъ обязаны посѣщать школу. Его глазамъ рисовалась картина полнаго крушенія какъ государственнаго, такъ и народнаго хозяйства. „Должно сложить съ нихъ государственныя поборы: убытку вослѣдовать можетъ милліонъ или болѣе; земля та, которую они работали, будетъ пуста; домъ того крестьянина совсѣмъ долженъ раззориться; женскій полъ того дому кто кормить и питать станетъ“¹⁾. Такимъ образомъ, скромная сельская школа въ представленіи крѣпостниковъ XVIII вѣка превращалась въ какой-то грозный таранъ, которымъ сокрушались устои существующаго государственнаго и общественнаго строя. Единственная уступка, которую соглашается сдѣлать Глазовъ запросамъ самой жизни, состояла въ допущеніи учрежденія при церквахъ приходскихъ училищъ, въ родѣ школъ грамоты. Однако, эти училища не должны были предназначаться для крестьянскихъ дѣтей, которыя могли появляться въ нихъ въ видѣ рѣдкаго исключенія. „Должно при всякой церкви быть училищу“, читаемъ мы въ заключительной части его рѣчи — „учить первое: людей церковнаго чина, что самый нужный членъ православной нашей вѣры, въ сходственность обучать купецкихъ дѣтей, тако-жъ и отставныхъ унтеръ-офицерскихъ и солдатскихъ дѣтей; владѣльцамъ же, ежели пожелаютъ отдавать обучать праздношатающихся, коихъ содержать должны на своемъ коштѣ безъ принужденія“²⁾.

Депутатскіе указы и пренія въ Большой Комиссіи знакомятъ насъ также съ постановкой учебнаго дѣла въ существовавшихъ уже школахъ и съ пожеланіями, высказанными какъ избирателями, такъ и депутатами относительно программы школьнаго обученія. Правда, мы не можемъ составить себѣ по указамъ вполнѣ законченнаго представленія о томъ, какіе предметы проходились въ русскихъ школахъ середины XVIII вѣка. Но кое-какія данныя все же можно почерпнуть и по этому

¹⁾ Ibid., т. 32, стр. 533, 534.

²⁾ Ibid., т. 32, стр. 534.

вопросу изъ матеріаловъ, относящихся къ Екатерининской комиссіи. Эти данныя касаются какъ разъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ культурный уровень населенія былъ вообще значительно выше, а именно—малороссійскихъ губерній. Въ Кіевской Академіи, на примѣръ, все обученіе происходило на латинскомъ языкѣ и сверхъ того изучали еще еврейскій, греческій, французскій, нѣмецкій и польскій языки ¹⁾. По всему вѣроятію, общій характеръ программы занятій въ этой Академіи былъ обычнаго церковно-схоластическаго типа, такъ какъ Кіевской Академіи было положено начало какъ разъ въ то время, когда схоластическія традиціи не потеряли еще своей силы въ педагогическомъ мірѣ. Косвенное указаніе на это можно найти въ программѣ обученія въ Черниговскомъ коллегіумѣ, учрежденномъ еще въ 1700 году „для наставленія въ словесныхъ наукахъ россійскаго юношества“. Ученикамъ этого коллегіума преподавались: аналогія, инфима, грамматика, синтаксисъ, греческій языкъ, пѣнтика, нѣмецкій языкъ, риторика и философія. Кромѣ того, въ самомъ непродолжительномъ времени предполагалось расширить программу включеніемъ въ нее богословія, еврейскаго и французскаго языковъ и „математическихъ ученій“ ²⁾. Оба эти учебныя заведенія являлись рассадниками просвѣщенія въ Малороссійской Украинѣ, а для губерніи Слободско-Украинской аналогичное значеніе имѣлъ Харьковскій коллегіумъ. Въ немъ, по всему вѣроятію, обучались по преимуществу дѣти мѣстныхъ дворянъ, такъ какъ въ началѣ царствованія Екатерины II его программа была значительно расширена. Въ нее введены были французскій, нѣмецкій языки, математика, геометрія, рисованіе, инженерство, артиллерія и геодезія, а вѣдь это были все науки чисто „шляхетныя“. Такимъ образомъ школа южно-русская носила отпечатокъ общеобразовательнаго учебнаго заведенія, при чемъ изученіе иностранныхъ языковъ стояло, повидимому, на первомъ планѣ. Мы, къ сожалѣнію, лишены возможности составить себѣ подобное же представленіе о содержаніи учебныхъ плановъ въ школахъ великороссійскихъ. Но въ дѣлопроизводствѣ Екатерининской комиссіи не разъ встрѣчаются указанія на то, какая программа должна быть положена въ основу школьнаго дѣла въ различнаго рода учебныхъ заведеніяхъ.

Довольно любопытными являются пожеланія, чтобы въ про-

¹⁾ Ibid., т. 43, стр. 529.

²⁾ Ibid., т. 43, стр. 99.

грамму обученія школъ элементарнаго типа включено было преподаваніе законовѣдѣнія. „Гражданскихъ и военныхъ законовъ по книгамъ учить при словесныхъ наукахъ обще съ законами о вѣрѣ“, читаемъ мы въ наказѣ отъ главной полиціи— „дабы съ младенчества каждому умѣющему грамотѣ всѣ правы извѣстны были“¹⁾. Если на такой широкой точкѣ зрѣнія въ вопросѣ о народномъ образованіи стояло высшее полицейское учрежденіе въ государствѣ, то вполне естественно, что аналогичные взгляды могли высказывать нѣкоторые изъ наиболѣе передовыхъ депутатовъ. Такъ, на примѣръ, депутатомъ отъ пахотныхъ солдатъ Нижегородской провинці, Жеребцовымъ, было внесено слѣдующее любопытное предложеніе: „Предписать надлежитъ, чтобы во всѣхъ школахъ учили дѣтей грамотѣ попеременно изъ церковныхъ и изъ тѣхъ книгъ, кои законодательство содержать“²⁾. Слѣдовательно, элементарное образованіе не должно было ограничиваться только чтеніемъ и письмомъ, и изъ начальной школы ученики должны были выносить общія понятія о правахъ и обязанностяхъ человѣка и гражданина.

Но школа въ извѣстной степени всегда является отображеніемъ жизни. И если русская жизнь середины XVIII вѣка была насквозь пропитана началомъ сословности, то вполне понятно, что большинство избирателей въ своихъ наказахъ, какъ мы видѣли выше, стремилось сословный принципъ положить во главу угла школьнаго обученія. Программа этой чисто сословной школы, конечно, модифицировалась, въ зависимости отъ культурнаго уровня тѣхъ лицъ, которыми составлялись депутатскіе наказаы. Но какой бы кругъ знаній ни вводился въ предполагаемую школу, все же онъ, по мнѣнію избирателей 1767 года, долженъ былъ покоиться на строгомъ принципѣ сословной пригодности тѣхъ наукъ, которымъ обучали въ дан-

¹⁾ Ibid. т. 43, стр. 357. Примѣчаніе: Нельзя не видѣть здѣсь вліянія нѣкоторыхъ статей изъ XIV гл. Большаго Наказа, которыя мы считаемъ не лишнимъ привести для наглядности: 348 ст. „Правила воспитанія суть первыя основанія, приуготовляющія насъ быть гражданами“. 351 ст. „Всякъ обязанъ учить дѣтей своихъ страха Божія, какъ начала всякаго цѣломудрія и вселять въ нихъ всѣ тѣ должности, которыхъ Богъ отъ насъ требуетъ въ десяти словіи Своемъ, и православная наша восточная греческая вѣра во правилахъ и прочихъ своихъ преданіяхъ“. 352 ст. „Также вперять въ нихъ любовь къ отечеству и поводить ихъ имѣть почтеніе къ установленнымъ гражданскимъ законамъ и почитать правительства своего отечества, какъ пекущіяся по волѣ Божьей о благѣ ихъ на земли“

²⁾ Ibid., т. 32, стр. 398.

номъ учебномъ заведеніи. „Чтобъ всѣ дворянскія дѣти“, просятъ въ своемъ наказѣ Бѣлгородскіе дворяне—„въ тѣхъ же городахъ обучались какъ словесному и письменному, такъ и прочимъ пристойнымъ наукамъ къ дворянству, и по послѣдней мѣрѣ хотя-бъ ужъ одной ариѳметикѣ и геометріи“¹⁾. Однако въ такой общей формѣ выражались далеко не всѣ избиратели, нѣкоторые изъ нихъ болѣе конкретно формулировали свои желанія, особенно настаивая на изученіи иностранныхъ языковъ. „Въ оной школѣ обучать“, заявляютъ Каширскіе дворяне—„въ началѣ россійской грамотѣ и закону Божію, а потомъ ариѳметикѣ, геометріи, фортификаціи и нѣмецкому языку“²⁾. Но въ глазахъ Кашинскихъ дворянъ уѣздная школа должна подходить по своей программѣ почти къ Шляхетскому кадетскому корпусу. По ихъ мнѣнію, въ ней слѣдуетъ „обучать: первое закону христіанскому, второе французскаго и нѣмецкаго языковъ, рисовать, фехтовать, ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, артиллеріи и фортификаціи“³⁾. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ на-ряду съ этимъ болѣе позднимъ налетомъ культурныхъ вліяній времени Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны сильны были еще педагогическія традиціи эпохи Петра Великаго. „Обучать же самымъ нужнѣйшимъ наукамъ“, кратко, но рѣшительно заявляютъ сторонники строго сословной школы, дворяне Бѣлевскаго уѣзда—„фортификаціи, инженеріи, артиллеріи и архитектуріи“⁴⁾.

Въ той же сословно профессиональной плоскости строятъ программу школьнаго обученія и городскіе избиратели, принадлежавшіе почти исключительно къ купцамъ и ремесленникамъ. Да это и вполне понятно, такъ какъ до реформъ Екатерины II самаго представленія о городѣ, какъ территоріальной единицѣ, въ русской жизни не существовало. Городское общество было строго сословнаго типа и включало въ себя только торгово-промышленные элементы населенія. Интересно, что о программѣ чисто сословнаго характера просятъ и москвичи, и жители Архангельска, и депутаты поволжскихъ и Сибирскихъ городовъ. Очевидно, это желаніе было общимъ, и мысль о школахъ профессиональнаго типа была широко распространена среди

¹⁾ Ibid., т. 68, стр. 658.

²⁾ Ibid., т. 8, стр. 485—486.

³⁾ Ibid., т. 4, стр. 468.

⁴⁾ Ibid., т. 68, стр. 610.

городскихъ обывателей. По мнѣнію жителей города Вязьмы, въ школахъ, учреждаемыхъ при магистратахъ и ратушахъ, слѣдуетъ „обучать російской грамотѣ, читать, писать, ариѳметикѣ и бухгалтеріи“ ¹⁾. Въ этомъ заявленіи центръ тяжести переносится, пожалуй, даже нѣсколько въ сферу общаго, хотя и элементарнаго образованія, и только такой предметъ, какъ бухгалтерія, долженъ наложить на школу небольшой профессиональный отпечатокъ. Но эта точка зрѣнія можетъ найти себѣ объясненіе въ томъ обстоятельстве, что городъ Вязьма въ срединѣ XVIII вѣка не былъ крупнымъ торгово-промышленнымъ центромъ. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ преобладали чисто коммерческіе интересы, купечество говорило совершенно инымъ языкомъ. Такъ, на примѣръ, москвичи настаиваютъ на томъ, чтобы купеческія дѣти въ спеціально для нихъ учрежденныхъ училищахъ „разнымъ языкамъ, бухгалтерству и прочимъ купечеству необходимымъ, наукамъ и знаніямъ обучаемы были“ ²⁾. Еще болѣе детализируютъ программу коммерческаго образованія жители такого крупнаго портоваго города, какъ Архангельскъ. Для каждаго негоціанта, особенно ведущаго заграничный торгъ, необходимо, по ихъ мнѣнію, хорошо усвоить въ школѣ слѣдующіе предметы: 1) „правописаніе и штиль купеческихъ писемъ; 2) ариѳметику и знаніе о вѣсахъ и мѣрахъ другихъ государствъ; 3) бухгалтерію; 4) купеческую географію; 5) иностранные языки; 6) права, до купечества принадлежащія какъ російскія, такъ и иностранныя“ ³⁾. Если такъ говорили избиратели, то, конечно, аналогичную же точку зрѣнія должны были проводить и городскіе депутаты въ своихъ рѣчахъ и мнѣніяхъ. Одни изъ нихъ отстаивали программу болѣе широкаго типа, куда-бы, на ряду со спеціальными предметами, входили бы и элементы общаго образованія; другіе же высказывались за обученіе въ узкомъ сословно-профессиональномъ направленіи. Такъ, по мнѣнію енисейскаго депутата, Самойловича, купцу нужны: „познаніе закона Божія, російская грамота, чистое письмо, нѣмецкій языкъ и другіе, если найдутся учителя: ариѳметика, знаніе разныхъ товаровъ и цѣнъ ихъ, также мѣръ и вѣсовъ, географію и исторію“ ⁴⁾. Особенно подробно доказывалъ цѣлесообразность организаціи правильнаго и при томъ строго ком-

¹⁾ Ibid., т. 134, стр. 105.

²⁾ Ibid., т. 93, стр. 134.

³⁾ Ibid., т. 123, стр. 464.

⁴⁾ Ibid., т. 8, стр. 161.

мерческаго образованія для купеческихъ дѣтей симбирскій депутатъ, Ларионовъ. Въ купеческой школѣ, по его словамъ, „изъ наукъ весьма нужна ариѳметика для вычисленія счетовъ, навигація также весьма полезна, ибо открылись новые порты на Тихомъ океанѣ и купечествомъ отысканы острова. Также обученіе иностраннымъ языкамъ и бухгалтеріи купечеству очень полезно, ибо дѣти русскаго купечества уже выписываютъ изъ Европы разные товары, но, не зная иностраннаго языка, отдають письма свои другимъ для перевода“¹⁾.

В. Бочкаревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Ibid., т. 14, стр. 201.